

Всю ночь Сы Вэй ворочался с боку на бок и то и дело просыпался в тревоге. Каждый раз, открывая глаза, он приподнимал полог и всматривался в окно, проверяя, не забрезжил ли рассвет. Наконец, когда он в очередной раз отодвинул плотную ткань, сквозь морозное стекло пробился слабый утренний свет.

Он быстро выбрался из-под одеяла и натянул одежду, приготовленную с вечера. Ощувив приятную, весомую тяжесть в подкладке теплой куртки, Сы Вэй невольно улыбнулся. Аккуратно сложив постель, он спустился по приставной лестнице с голых досок лежака, бесшумно обулся и выскользнул за дверь.

На улице и в доме было будто два разных мира. Не понадобилась даже холодная вода: стоило лишь резкому, колючему ветру коснуться лица, как сон мгновенно улетучился, а мысли прояснились.

Поправив обувь, Сы Вэй медленно двинулся к боковым воротам Башни Весенней реки по той дороге, которую в прошлый раз показали ему старуха Лю и Цинлу. Небо едва окрасилось в серые тона рассвета. Вокруг не было ни души. В тишине раздавался лишь скрип сминаемого под ногами снега — от этого одинокого звука среди безмолвия становилось не по себе.

Служитель борделя, дежуривший у ворот этой ночью, похоже, еще не протрезвел — сквозь щели в камерке доносился отчетливый запах перегара. Видимо, вчера он тоже приложился к бутылке в честь праздника.

Сы Вэй негромко постучал в дверь и позвал:

— Эй, просыпайся! Чуньян велела выпустить меня на рассвете.

Внутри заскрипела плетеная кушетка — спящий, должно быть, просто перевернулся на другой бок. На призывы Сы Вэя он не отвечал, и было неясно, проснулся ли он вообще. Делать нечего, пришлось стучать настойчивее.

Наконец на пороге показался взъерошенный, помятый мужчина с накинутым на плечи халатом. Сонно ворча, злой со спросонья, он нехотя отпер замок. Сняв тяжелый засов, служитель борделя сладко зевнул и, недовольно зыркнув на юношу, проворчал:

— Давай проваливай быстрее. Мне еще доспать надо, нечего тут торчать.

Сы Вэй шагнул за порог. Хмурый вид мужчины его ничуть не задел.

— Братец, сегодня первый день нового года, все лавки закрыты, а мне нужно купить кое-какие припасы для дома. Не подскажешь, где здесь можно отовариться потихоньку?

Служитель борделя удивленно приподнял бровь, смерил Сы Вэя ленивым взглядом из-под

полуопущенных век и неохотно махнул рукой в сторону:

— Ступай на улицу Цзиньань. Там, поближе к нашему переулку, полно лавок, переделанных из жилых усадеб. Обойди их сзади и постучись в калитки черного хода — кто-нибудь да продаст, им тоже копейка не лишняя. А вот за пределы Цзиньань соваться не советую: нормальные купцы сегодня отдыхают. Пойдешь ломиться в закрытые двери — только неприятности наживешь.

Сы Вэй только покачал головой: «Ну и манеры...»

Не успел он додумать эту мысль, как тяжелые створки ворот с грохотом захлопнулись прямо перед его носом. С той стороны тут же послышался скрежет задвигаемого засова и щелчок замка.

Сы Вэй лишь вздохнул.

Поступив так, как посоветовал служитель борделя, Сы Вэй прошелся по улице Цзиньань, пролежавшей неподалеку от Переулка Цветов и Ив. Присматриваясь к вывескам, он сворачивал в переулки и стучал в задние двери. Вскоре его обход увенчался успехом. Когда он наконец направился к городским воротам, за его плечами уже покачивался вместительный бамбуковый короб, доверху набитый всякой всячиной.

С огромной, в полчеловеческого роста корзиной на спине юноша шел по заснеженной дороге больше четырех часов, пока вдали наконец не показались очертания деревни Линьвань. В долгом пути любая ноша становится неподъемной. Сы Вэй повезло, что в этой жизни он привык полагаться исключительно на собственные ноги, благодаря чему развил завидную выносливость. Окажись он здесь в своем прежнем, хилом теле из прошлой жизни — свалился бы без сил на полпути.

Впрочем, и сейчас ему приходилось несладко.

Смахнув со лба выступивший пот, Сы Вэй поправил лямки короба и зашагал через укрытые снежным покрывалом поля к своей усадьбе на самой окраине деревни. Плетень вокруг маленького дворика устоял под тяжестью сугробов, а за калиткой тянулась аккуратно расчищенная тропинка, ведущая прямо к дверям дома. Дом, впрочем, громко сказано — обычная мазанка под соломенной крышей, разделенная внутри на две крошечные жилые каморки и сени, которые они гордо именовали главной комнатой.

Ледяное окно, которое Сы Вэй соорудил перед уходом для комнаты госпожи Ю, все еще оставалось целым и невредимым. Все здесь дышало привычным уютом, к которому он притерпелся за долгие годы этой жизни. И все же после роскошного убранства Башни Весенней реки родное гнездо казалось убогим и удручающе бедным.

Калитка была не заперта. Дверь тихо скрипнула, впуская его внутрь. Сы Вэй окинул взглядом

двор, и на душе у него потеплело. Давно заброшенный очаг под навесом был чисто выметен, а соломенная циновка, которую раньше сорвало ветром, теперь висела на своем месте, мерно покачиваясь от порывов ветра.

Сквозь щели под навесом он заметил тусклый отблеск углей — порывы ветра то и дело раздували огонь в печи. К слову сказать, Сы Вэй за все годы так и не научился толком управляться с деревенским очагом: у него вечно то полыхало слишком сильно, то угли едва тлели. Еда в его исполнении выходила либо подгоревшей, либо полусырой. Тоже мне, великий кулинар из другого мира! Все эти сказки про попаданцев-шеф-поваров оказались полной чушью.

Именно поэтому он предпочитал готовить еду и варить лекарства в простом глиняном горшке на переносной жаровне.

Сы Вэй ускорил шаг, но стоило ему протянуть руку к двери, как из угла донеслось тихое, недовольное попискивание. Он опустил взгляд: под соломенной крышей у самого порога стояла старая плетеная корзина.

Сквозь дыру в прогнивших прутьях наружу робко протискивался крошечный, размером с ладонь, щенок. Шерстка у него стояла дыбом, круглый животик забавно выпирал, а коротенький хвостик был испуганно поджат. И все же этот приемыш храбро затыкал на незнакомца:

— Тяв! Тяв!

Сы Вэй невольно улыбнулся. Он скинул тяжелый короб, прислонил его к стене под навесом и присел на корточки перед корзиной.

Щенку было от силы месяца полтора. Ушки у него уже стояли торчком, лишь самые кончики забавно подгибались, а блестящие, как спелые виноградины, глазки настороженно следили за каждым движением юноши. Мордочка у песика была угольно-черной, а брюшко, лапы и самый кончик хвоста — белыми. Спинку же покрывала каштановая шерсть с редкими светлыми подпалинами, отчего казалось, будто на него надели крошечный жилет.

Стоило Сы Вэю протянуть руку, как щенок попятился назад, не переставая обиженно повизгивать. Из-за малого возраста он еще не умел лаять по-настоящему, выходило лишь забавное детское тьяканье, но упрямства малышу было не занимать: он не сводил с пришельца глаз и продолжал возмущенно пищать.

Попытку погладить храбреца прервал шорох у двери. Плотная шерстяная занавеска, защищающая сени от сквозняков, приподнялась, и наружу, пригнув голову, вышла женщина. Сы Вэй поднял глаза — перед ним стояла не кто иная, как старуха Лю из Башни Весенней реки.

Завидев юношу, она просияла:

— Наконец-то ты вернулся! А я уж извелась вся, гадая, отпустит ли меня Чуньнян домой хоть к праздникам.

Сы Вэй невольно улыбнулся про себя: зная, какая суматоха царила сейчас в покоях Чуньнян, старуха Лю вряд ли дождалась бы полноценного отдыха.

Сы Вэй хотел поздороваться, но тут выражение лица женщины изменилось. Она осторожно взяла его за рукав, отвела подальше от двери и, понизив голос до заговорщицкого шепота, заговорила:

— Послушай, я должна тебя предупредить... С тех пор как Чуньнян прислала меня присматривать за хозяйством, я держалась твоей версии. Сказала госпоже Ю, будто ты устроил моего внука помощником на кухню в «Башню Широких вкусов». Денег, мол, не платят, но кормят досыта трижды в день, а ты его там обучаешь. Дорога от Линьвань до города неблизкая, каждый день не набегаешься, так что твоя матушка поверила. Но на днях к ней заходила соседка, которую она называет невесткой Чэн. Уж не знаю, кто из них проговорился, только после этого разговора госпоже Ю стала настойчиво выпрашивать, где именно ты работаешь...

Старуха Лю тяжело вздохнула. За долгие годы службы в публичном доме она наловчилась заговаривать зубы кому угодно: могла и черное выдать за белое, и воду в ступе истолочь так, что никто не усомнится. Но перед госпожой Ю, державшейся со спокойным и строгим достоинством благородной дамы, все ее уловки натывались на мягкий, но непреклонный отпор. Госпожа Ю была женщиной непростой — говорила мягко, но вопросы задавала такие, что волей-неволей начнешь путаться в показаниях, хоть внешне она и оставалась безупречно вежливой.

— Я ведь так и не посмела открыть ей правду, — призналась старуха Лю. — Сердце не легло. У самой дома внучка подрастает. Если бы мне кто сказал, что моя кровиночка ушла работать в такое заведение и неделями глаз не кажет, я бы с ума сошла от тревоги! Я пообещала твоей матушке, что ты вернешься сегодня. Вот она с самого рассвета и сидит, ждет тебя... Ты уж подготовься, как пред ней предстанешь. Придумай, что сказать.

Старуха Лю снова вздохнула:

— Из-за твоих тайн я и сама кругом виновата осталась.

Сы Вэй молча достал из-за пазухи серебряную монету и бережно вложил ее в морщинистую ладонь женщины.

— Спасибо вам, старуха Лю. Вы меня очень выручили.

При виде серебра лицо старухи мгновенно разгладилось в довольной улыбке. Вся ее досада улетучилась, и она дружелюбно похлопала юношу по плечу:

— Ну ладно, раз ты здесь, значит, Банкет в канун Нового года прошел гладко. Время уже к полудню, поспешу-ка я в город, глядишь, до темноты успею воротиться. А ты ступай, поговори с матерью по душам.

Сы Вэй с улыбкой кивнул. Проводив взглядом старуху Лю, которая бережно завернула монету в чистый платочек и припрятала за пояс, он собрался было войти в дом, но опустил глаза. Маленький щенок, притихший во время разговора старших, при виде уходящей женщины снова засуетился и жалобно заскулил, глядя на Сы Вэя.

Юноша окликнул ее у самой калитки:

— Старуха Лю, а песик откуда?

Старуха Лю обернулась и махнула рукой:

— Да вот, подумала: живете вы вдвоем на самом отшибе, заборчик хлипкий — одно название. Захочет какой лихой человек поживиться, через такой плетень в два счета перемахнет. Вот я и попросила знакомых раздобыть для госпожи Ю этого забавного малого. Охранник из него пока никакой, но слух у собак чуткий — чуть что, залется лаем, хоть предупредить успеет.

Сы Вэй проводил взглядом уходящую старуху Лю, которая, еще раз махнув рукой на прощание, аккуратно притворила за собой калитку.

Он наклонился, бережно подхватил под мышки крошечного щенка, у которого еще и зубы-то толком не прорезались, толкнул дверь и, приподняв плотную шерстяную занавеску, шагнул в прохладные сени.

Домой-то он вернулся, но теперь ему предстояло выдержать самый трудный разговор в его жизни.